

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.62

Проблематика уголовно-правовой охраны жизни неродившегося ребенка

¹ Кукушкин Н.П.,

² Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу уголовно-правового регулирования общественно опасных деяний, посягающих на неродившегося ребенка. Автором обозначается общеправовая проблематика определения субъектности физического лица, включая вопросы предоставления правовой защиты неродившемуся ребенку (плоду, эмбриону человека). На основе анализа научной литературы и законодательства в работе обосновывается занятый российским законодателем компромиссный подход, суть которого сводится в установлении определенных законодательных мер, направленных на предотвращение посягательств против неродившегося ребенка с одновременным непризнанием наличия у неродившегося ребенка статуса субъекта уголовного права. Также автором обозначается тенденция к совершенствованию законодательных мер защиты неродившихся детей, включая введение мер правовой охраны граждан от посягательств, совершенных до момента их рождения, что соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ. В завершение в работе приведены аргументы против подхода, направленного на признание за неродившимся ребенком полноценного статуса субъекта права.

Ключевые слова: неродившийся ребенок, уголовно-правовая охрана плода, прерывание беременности, права неродившегося человека, правоспособность зачатого ребенка

Для цитирования: Кукушкин Н.П. Проблематика уголовно-правовой охраны жизни неродившегося ребенка // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 76 – 80.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The problems of criminal law protection of the life of an unborn child

¹ Kukushkin N.P.,

² Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the criminal law regulation of socially dangerous acts encroaching on an unborn child. The author outlines the general legal issues of determining the subjectivity of an individual, including issues of providing legal protection to an unborn child (fetus, human embryo). Based on the analysis of scientific literature and legislation, the paper substantiates the compromise approach taken by the Russian legislator, the essence of which is to establish certain legislative measures aimed at preventing attacks against an unborn child while not recognizing the status of an unborn child as a subject of criminal law. The author also outlines a trend towards improving legislative measures to protect unborn children, including the introduction of measures to legally protect citizens from attacks committed before their birth, which corresponds to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation. In conclusion, the paper presents arguments against the approach aimed at recognizing the unborn child's full-fledged status as a subject of law.

Keywords: unborn child, criminal protection of the fetus, termination of pregnancy, rights of the unborn person, legal capacity of the conceived child

For citation: Kukushkin N.P. The problems of criminal law protection of the life of an unborn child. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 76 – 80.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение основных проблемных вопросов уголовно-правовой охраны неродившегося ребенка

Задачи – на основе анализа научной литературы, нормативных актов и судебной практики проанализировать основные особенности уголовно-правовой регламентации общественно опасных деяний, посягающих на неродившегося ребенка (плод, эмбрион человека), а также выявить проблематику регулирования данных общественных отношений

Гипотеза – общепризнанно, что неродившийся ребенок в виде плода в утробе матери не является субъектом права, что означает невозможность признания наличия у него субъективных прав и обязанностей, в том числе прав, охраняемых уголовным законодательством. В то же время реальная законодательная практика демонстрирует, что законодатель устанавливает составы преступлений, направленные на предотвращение противоправных посягательств на существование ("жизнь") неродившегося ребенка, что, однако, с юридико-технической точки зрения реализуется через внедрение составов преступлений, формально направленных против интересов матери неродившегося ребенка. В то же время, такой подход, хоть и является оптимальным с точки зрения возможности предоставления уголовно-правовой защиты неродившемуся ребенку в отсутствие признания его субъектности, не лишен определенных недостатков. В частности, такой подход не позволяет признавать субъектность неродившегося ребенка для целей верной квалификации направленных против него посягательств, даже если их совершение имело место до момента рождения ребенка. Изложенное подтверждает перспективность научного исследования проблематики, что, однако, не отменяет необходимости в осторожном подходе к признанию за неродившимся ребенком статуса субъекта, для чего отсутствуют как социально-политические основания.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Определение момента появления у человека как физического лица субъектности и, соответственно, возникновения у него охраняемых государством прав, в том числе права на охрану жизни и здоровья, уже длительный период времени выступает предметом научных дискуссий, уровень остроты которых заметно повышается ввиду связанных с проблематикой социальных, этических и медицинских нюансов. Несмотря на разнообразие подходов о том, в какой момент человек как субъект права возникает на свет и приобретает свою субъектность (например, момент первого вдоха или крика новорожденного ребенка либо же момент отделения плаценты от стенок матки) [1], научное сообщество преимущественно едино во мнении о том, что зачатый, но еще не родившийся ребенок (то есть плод в утробе матери) не может считаться субъектом права в виде гражданина (физического лица) [2].

Несмотря на вышеизложенные догматические постулаты об отсутствии у неродившегося ребенка правосубъектности, реально складывающаяся законодательная практика свидетельствует о существовании как минимум предпосылок для формирования более компромиссного подхода, сводящегося, если не к полному признанию правоспособности плода, то к необходимости предоставления ему определенной правовой охраны.

Например, системный анализ положений Уголовного кодекса РФ ("УК РФ") [3] демонстрирует явное стремление законодателя повысить уровень правовой охраны неродившегося ребенка, предусматривая ряд составов преступлений, объектом которых в той или иной форме является само существование неродившегося ребенка как сформированного в утробе матери плода. В частности, статьей 123 УК РФ воспрещается незаконное совершение операции по искусственному прерыванию беременности, что ведет к гибели сформированного плода. Не менее показательным является норма ч. 1 ст. 111 УК РФ, из которой следует, что

само по себе прерывание беременности уже признается достаточным фактом, формирующим признак причинения тяжкого вреда здоровью человека.

Помимо изложенного, кодексом предусматриваются специальные (квалифицированные) составы преступления, которыми ужесточается уголовная ответственность в случае совершения противоправных действий в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности, поскольку совершение такого рода преступлений неминуемо влечет либо гибель плода либо существенный риск такой гибели (например, п. "г" ч. 2 ст. 105 или п. "в" ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Следует отметить, что такой законодательный подход по установлению правовой защиты неродившегося ребенка имеет межотраслевой характер, что подтверждается некоторыми нормами иных законодательных сфер.

Например, нормами статей 1163 и 1166 Гражданского кодекса РФ [4] предусматриваются правила о приостановлении выдачи свидетельства о праве на наследство, а также приостановлении процедуры раздела наследственного имущества при наличии информации о существовании зачатого, но еще не родившегося ребенка наследодателя (то есть еще не родившегося, но потенциального наследника в будущем).

Не менее удачным примером является норма ч. 2 ст. 6.32 КоАП РФ [5], которой предусматривается административное наказание за совершение операции по искусственному прерыванию беременности в нарушение законодательно установленных сроков для её проведения.

Изложенное в совокупности подтверждает, что законодательная практика, очевидно предопределенная политико-правовыми соображениями, направлена на закрепление и развитие так называемого "охранительного" подхода к вопросу защиты неродившегося ребенка – несмотря на отсутствие формального признания у плода статуса субъекта права (и, соответственно, возможности быть потерпевшим для целей уголовно-правового регулирования), законодатель предусматривает ряд норм, направленных на предотвращение совершения общественно опасных деяний, в результате которых неродившийся ребенок может прекратить своё существование, не появившись на свет.

С некоторой долей условности можно утверждать о восприятии уголовно-правовым регулированием феномена "наситурус" (*nasciturus*), суть которого заключается в признании определенных прав у еще не появившегося на свет плода (зародыша) ребенка [6]. В особенности революционным в данном ключе является недавно сформированная правовая позиция Конституционного Суда РФ, которым было признано допустимым взыскание компенсации морального вреда, причиненного смертью родственника (отца), даже если в момент причинения такого вреда потерпевший являлся зачатым, но еще не родившимся ребенком [7].

Очевидно, что применительно к обсуждаемым вопросам уголовно-правовой охраны неродившегося ребенка, возможно помыслить возникновение подобных тонких ситуаций, требующих эффективного правового решения.

Например, при причинении вреда плоду ребенка в результате неправомерных действий третьих лиц извне, в результате которых не произошло прерывание беременности, возможно последующее нарушение в развитии плода или осложнение процесса родов, вследствие чего новорожденный ребенок может появиться на свет с определенными дефектами и отклонениями. Можно ли в таком случае считать, что противоправное посягательство было направлено не только (и даже не столько) против матери, сколько против самого плода и впоследствии родившегося ребенка? В данном ключе вновь возникает догматическая дилемма в виде несовпадения момента совершения общественно опасного деяния и момента возникновения правоспособности у еще не появившегося на свет "потерпевшего". Если же следовать логике заданного Конституционным Судом РФ прогрессивного подхода, правовая система должна находить ответ на данный вопрос, чего, однако, не наблюдается в сложившихся на данный момент реалиях уголовно-правового регулирования.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что вопросы о том, имеет ли новорожденный ребенок статус потерпевшего и каким образом следует квалифицировать действия лица, причинившего вред, остаются неразрешенными действующим правовым регулированием.

Текущая модель уголовно-правовой охраны "интересов" неродившегося ребенка основана на компромиссном подходе. С одной стороны, законодателем вводится ряд мер, направленных на охрану общественных отношений по поводу защиты сформированного в утробе матери плода ребенка до его рождения, что выражается в установлении ряда правовых норм, устанавливающих (ужесточающих) уголовную ответственность за совершение действий по прерыванию беременности как напрямую в отношении плода (например, ст. 123 УК РФ), так и в отношении плода "косвенно", то есть через совершение преступлений в

отношении беременной женщины, в результате которых наступает гибель либо угроза гибели плода (например, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Во всяком случае, текущее уголовно-правовое регулирование, основанное на отсутствии у неродившегося ребенка правосубъектности, основывается на "отражающем" методе защиты интересов такого неродившегося ребенка, что подразумевает установление повышенного уровня уголовно-правовой охраны женщины, носящей плод неродившегося ребенка, интересы которой презюмируются совпадающими с условно выделяемыми "интересами" неродившегося ребенка, воля которого не может никаким иным образом выражаться вовне, кроме как поведением матери.

Представляется, что такой подход, несмотря на наличие в нем определенных методологических недостатков, является оптимальным в контексте текущего уровня развития уголовно-правовой и общей правовой теории. Более радикальные изменения, в том числе в виде признания у неродившегося ребенка (плода, эмбриона и т.п.) статуса субъекта права порождало бы множество коллизий и пробелов, включая вопросы об основаниях уголовной ответственности матери в случае искусственного прерывания беременности, что не представляется возможным с учетом сложившейся законодательной политики и настроений в обществе.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что текущее уголовно-правовое регулирование основывается на подходе, сводящемся к признанию отсутствия у неродившегося ребенка статуса субъекта права, что влечет невозможность признания за ним статуса потерпевшего и, соответственно, предопределяет отсутствие уголовно-правовых составов преступления, запрещающих деяния, направленные непосредственно против прав и интересов неродившегося ребенка как такового.

Продемонстрировано, что уголовно законодательство, коррелируя с законодательным опытом иных отраслей права, устанавливает ряд составов преступлений, предотвращающих совершение общественно опасных деяний, посягающих на существование неродившегося ребенка, что выражается в установлении наказуемости деяний, в результате которых наступает прерывание беременности либо риск такого прерывания.

Установлено наличие проблематики в виде отсутствия правового регулирования вопросов защиты прав неродившегося ребенка при совершении общественно опасного деяния до момента рождения ребенка. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, носящей универсальный характер, такая ситуация должна получать правовое регулирование в виде признания факта нарушения и возможности защиты прав человека, даже при их нарушении в момент до его рождения, что актуально и для сферы уголовного права, в рамках которой данная проблематика не получила какого-либо правового решения.

Аргументировано отсутствие правовых оснований для признания полноценной субъектности у неродившегося ребенка (как минимум, для целей уголовно-правовой сферы), что влекло бы возникновение множества коллизий и пробелов, включая возникновение проблематики уголовной ответственности самой беременной женщины при прерывании беременности, на что отсутствуют социальные и политические предпосылки.

Список источников

1. Грачева Ю.В., Ермакова Л.Д., Есаков Г.А. и др. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. С. 84.
2. Тищенко Е.В. Проблемы демаркации начала человеческой жизни // Конституционное и муниципальное право. 2018. N 9. С. 63 – 66.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Российская газета. N 113. 18.06.1996. N 114.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 N 146-ФЗ // Российская газета. N 233. 28.11.2001.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Парламентская газета. N 2-5. 05.01.2002.
6. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. С. 118.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 N 7-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой" // СПС "Консультант Плюс".

References

1. Gracheva Yu.V., Ermakova L.D., Esakov G.A., et al. Criminal Law of the Russian Federation. Special Part: textbook. edited by L.V. Inogamova-Khegay, A.I. Raroga, A.I. Chuchaev. 2nd ed., corr. and add. M.: CONTRACT, INFRA-M, 2009. P. 84.
2. Tishchenko E.V. Problems of Demarcation of the Beginning of Human Life. Constitutional and Municipal Law. 2018. N 9. P. 63 – 66.
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 113. 18.06.1996. N 114.
4. Civil Code of the Russian Federation of 26.11.2001 N 146-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 233. 28.11.2001.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ. Parliamentary Newspaper. N 2-5. 05.01.2002.
6. Velyaminov G.M. International Law: Experiences. Moscow: Statut, 2015. Page 118.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.03.2023 N 7-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of Article 17 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.V. Grigorieva". SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Кукушкин Н.П., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, aspirant.law@rambler.ru

© Кукушкин Н.П., 2025